

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОГОВОР

ГЛАВА ОДИН

Логан

0на точно меня оценивает.

— Ко-о-о-онечно, братан.

— Она все еще смотрит сюда! Она меня хочет.

— Да ни за что такая горячая, юная штучка не станет смотреть на такого старика, как ты.

— Мне всего двадцать восемь!

— Серьезно? Да ты еще древнее, чем я думал.

Я подавляю смех. Последние двадцать минут я подслушивал разговор этой троицы биржевых маклеров. Не знаю, действительно ли они биржевые маклеры, но на них сшитые на заказ костюмы, и они пьют дорогой ликер в финансовом районе города, так что, скорее всего, они работают в этой сфере.

Я — я неуклюжий спортсмен в рваных джинсах и свитере «Андер Армор», сидящий с бутылкой в конце барной стойки. Мне повезло найти свободное место. Бостонские бары переполнены посетителями, отдыхающими после работы или учебы. Трое парней, за которыми я шпионю, едва взглянули в мою сторону, когда я опустился на соседний стул, что позволило мне подслушать их дурацкий разговор.

— Итак, какой там финальный счет у Бейкера? — спрашивает один.

Он и его блондинистый приятель изучают своего темноволосого друга — того, «древнего».

— Восемь процентов, — говорит первый.

Блондин более щедр.

— Десять.

— Давайте возьмем среднеарифметическое — девять. Это шансы девять к одному.

Хотя, может, они и не финансисты. Я пытаюсь понять, что это за расчеты, но они кажутся совершенно произвольными и не основанными на математике.

— Да пошли вы оба. У меня гораздо больше шансов, — протестует Бейкер. — Вы видели эти часы? — Он поднимает левую руку, чтобы продемонстрировать блестящие «Ролексы».

— Девять к одному, — настаивает первый. — Или так, или никак.

«Мистер Ролекс» раздраженно ворчит, бросая деньги на стойку. Двое других следуют его примеру.

Из того, что я услышал, их игра выглядит примерно так:

Шаг первый. Один из них выбирает девушку в баре.

Шаг второй. Двое других просчитывают — это слово я использую для описания их действия — шансы на то, что первый получит номер телефона.

Шаг третий. Они бросают на стойку наличные.

Шаг четвертый. Парень подходит к девушке и неизбежно получает отказ. Он теряет деньги, которые поставил, только лишь затем, чтобы вернуть их себе в следующем заходе, когда двум другим также отказывают.

Вся игра бессмысленна и глупа.

Я потягиваю пиво, забавляясь тем, как «мистер Ролекс» неторопливо подходит к потрясающей девушке в облегающем дизайнерском платье.

Она морщит нос при его приближении, это говорит мне о том, что его приятели вот-вот выиграют немного денег. Может, на этих парнях и дорогие костюмы, но они и близко не стоят к той лиге, к кото-

рой принадлежит девушка. А девушки этой лиги, как правило, не терпят незрелых придурков, потому что знают, они могут позволить себе лучшее.

Мистер Ролекс возвращается с плотно сжатой челюстью. Ни с чем.

Его друзья улюлюкают и сгребают свой выигрыш.

Как раз в тот момент, как блондин собирается выбрать новую жертву, я опускаю свой пинтовый бокал на барную стойку и говорю, растягивая слова:

— Могу я сыграть?

Три головы поворачиваются в мою сторону. Мистер Ролекс смотрит на мою одежду и ухмыляется.

— Да уж, извини, приятель. Тебе эта игра не по карману.

Закатив глаза, я вынимаю свой бумажник и просматриваю его, дав им возможность рассмотреть наличку внутри.

— Испытайте меня, — любезно предлагаю я.

— Ты все это время подслушивал нас? — спрашивает блондин.

— Сложно сказать, что вы шептались. И, как бы там ни было, мне нравятся азартные игры. Неважно, в чем азарт, я в игре. Учитывая это, каковы мои шансы... — Мой пристальный взгляд медленно обводит переполненный зал. — С ней, — заканчиваю я.

Вместо того чтобы проследить за моим взглядом, три пары глаз остаются прикованными ко мне.

Несколько долгих мгновений они оценивающе смотрят на меня, как будто пытаюсь понять, не морочу ли я им голову. Поэтому я поднимаюсь и подхожу ближе к троице.

— Посмотрите на нее. Огонь. Думаете, такой засранец, как я, сможет получить ее номер?

Мистер Ролекс первым ослабляет бдительность.

— Ее? — спрашивает он, не очень сдержанно кивая на симпатичную девушку, заказывающую напиток у бармена. — Ты о Маленькой Мисс Невинность?

Он не ошибся. В ней определенно есть какая-то невинность. Изысканный профиль позволяет увидеть веснушки, а светло-каштановые волосы не собраны в сложную прическу, как у некоторых других цыпочек тут. Несмотря на ее обтягивающий черный свитер и короткую юбку, она больше похожа на девушку, живущую по соседству, чем на сексуальную кошечку.

Темноволосый фыркает.

— Ага, удачи с ней.

Я скидываю брови.

— Что, считаешь, у меня нет шансов?

— Чувак, посмотри на себя. Ты типа качок, да?

— Либо так, либо жрет стероиды, — хрипит блондин.

— Я спортсмен, — подтверждаю я, но не вдаюсь в детали. Очевидно, эти ребята не фанаты хоккея, иначе они узнали бы во мне последнего из новичков Бостона.

А может, и нет. Не то чтобы я часто появлялся на льду с тех пор, как перешел из низшей лиги в профессионалы. Я все еще пытаюсь показать себя перед своим тренером и товарищами по команде. Хотя в прошлой игре я сделал голевую передачу, и это было круто.

Но было бы еще круче забить самому.

— Да, такая милая штучка будет слишком напугана, — сообщает мне мистер Ролекс. — Шансы того, что ты получишь ее номер... двадцать к одному.

Его приятели соглашаются.

— Шансы — двадцать пять процентов, — говорит один.

И снова их расчеты бессмысленны.

— А что, если я хочу больше, чем ее номер? — бросаю я вызов.

Блондин хихикает.

— Хочешь знать свои шансы на то, что поведешь ее домой? Сто к одному.

Я снова смотрю на брюнетку. На ней черные замшевые ботильоны на каблучках, одна нога закинута на другую, пока она изящно потягивает свой напиток. Она чертовски симпатичная.

— Две сотни баксов на то, что меньше чем через пять минут ее язык будет у меня в плотке, — хвастаю я с высокомерной улыбкой.

Мои новые друзья раздражаются недоверчивым смехом.

— Ну да, конечно, братан, — хохочет «мистер Ролекс». — Если ты вдруг не заметил, женщины в этом заведении — высший класс. Ни одна не станет контактировать с тобой на публике.

Я уже кладу на стойку две сотни.

— Боишься моего сексуального мастерства, да? — поддразниваю я.

— Ха! Ну, ладно. Поддерживаю, — говорит блондин, кладя две купюры поверх моих. — Двигай задницей и получи отказ, Любовничек.

Я беру свой стакан и допиваю остатки пива.

— Жидкое мужество, — говорю я троице, и «мистер Ролекс» закатывает глаза. — А теперь смотрите и учитесь.

Подмигнув, я удалюсь.

Ее внимание мгновенно фокусируется на мне. Губы в намеке на улыбку, пусть и застенчивую. Твою мать, у нее славные губы. Полные, розовые и блестящие.

Когда наши взгляды встречаются, кажется, что все остальные в баре исчезают. У нее красивые, выразительные карие глаза, и прямо сейчас в них читается сладкий голод, от которого мое сердце бьется сильнее. Я попадаю в поле ее притяжения, мои ноги ускоряются по собственной воле.

Секунду спустя я уже рядом, приветствую ее грубым:

— Привет.

— Привет, — отвечает она.

Ей приходится откидывать голову, чтобы взглянуть на меня, потому что она сидит, а я возвышаюсь над ней. Я всегда был крупным парнем, но с тех пор, как начал играть в хоккей на более профессиональном уровне, я прибавил в весе еще больше.

— Могу я купить тебе выпить? — предлагаю я.

Она поднимает свой полный бокал.

— Нет, спасибо. У меня уже есть.

— Тогда я куплю тебе следующий.

— Следующего не будет. Я себе не доверяю.

— Почему?

— Я худая. Пьянею с одного бокала. — Ее губы чуть изгибаются. — После двух начинаю вести себя плохо.

Будь я проклят, если мой член не дергается при этих словах.

— Насколько плохо? — спрашиваю я, растягивая слова.

Хотя она вспыхивает, от ответа не уходит.

— Очень плохо.

Я ухмыляюсь ей, затем быстрым, преувеличенным жестом подзываю бармена.

— Еще один напиток для дамы, — говорю я.

Она смеется, и от этого мелодичного звука по моей коже пробегают мурашки. Меня безумно влечет к ней.

Вместо того чтобы занять пустой стул рядом, я остаюсь стоять. Но чуть приближаюсь, и ее колено легонько задевает мое бедро. Клянусь, я слышу, как ее дыхание прерывается от легкого прикосновения. Я оглядываюсь и замечаю, что мои новые друзья наблюдают за мной с глубоким интересом. «Мистер Ролекс» выразительно постукивает по своим часам, как бы напоминая мне: часики тикают.

— Послушай... — Я склоняюсь к ее уху, чтобы она могла меня слышать. На этот раз я вижу, как у нее перехватывает дыхание. — Мои приятели считают, что мои шансы получить твой номер — двадцать пять процентов.

В ее взгляде пляшут черти.

— Вау. Не очень-то они в тебя верят, а? Мне жаль.

— Не стоит. Я выигрывал споры и покруче. Но... Позволь мне поделиться с тобой тайной. — Мои губы задевают ее ухо, когда я шепчу: — Я не хочу твой номер.

Она вздрагивает от удивления, быстро переводит взгляд на меня.

— Не хочешь?

— Неа.

— А чего ты хочешь? — Она берет свой бокал и делает торопливый глоток. Я думаю, она допьет свой бокал через секунду.

— Я хочу поцеловать тебя.

Она испуганно смеется.

— Ага. Ты так говоришь, потому что надеешься, что если я это сделаю, то ты можешь доказать своим друзьям, что ты не лузер.

Я вновь оглядываюсь через плечо. «Мистер Ролекс» самодовольно ухмыляется.

Он снова постукивает по часам. Тик-так.

Мои пять минут почти вышли. Мои собственные часы говорят, что у меня осталось две минуты.

— Нет, — говорю я. — Я хочу поцеловать тебя не поэтому.

— О, правда?

— Правда. — Я облизываю свою нижнюю губу. — Я хочу поцеловать тебя потому, что ты самая красивая девушка в этом баре. — Я пожимаю плечами. — И очевидно, что ты хочешь того же.

— С чего ты так решил? — спрашивает она с вызовом.

— Ты неводишь глаз с моих губ с того момента, как я подошел к тебе.

Она щурится.

— Видишь, в чем дело. — Я легонько провожу кончиками пальцев по ее тонкой руке. Я не касаюсь кожи,

и все же она явно дрожит. — Мои приятели считают тебя «Маленькой Мисс Невинностью». Они предупредили меня, что такой как я тебя напугает. Такой грубый и невежливый. Но знаешь, что я думаю?

— Что? — ее голос едва слышен.

— Я думаю, тебе нравятся грубые и невежливые. — И вновь я склоняюсь ближе. Замечаю крошечную бриллиантовую сережку, и не могу удержаться от того, чтобы не коснуться ее кончиком языка.

Еще один резкий вздох, и я чувствую прилив удовлетворения.

— Я вовсе не думаю, что ты невинна, — продолжаю я. — Я не считаю тебя хорошей девочкой. Я думаю, прямо сейчас ты больше всего хочешь поцеловать меня, провести ногтями по моей спине и позволить мне трахнуть тебя прямо тут, на глазах у всех.

Она издает громкий стон.

Дерзкая ухмылка появляется на моем лице, когда она обхватывает мой затылок и склоняет мою голову для жесткого поцелуя.

— Ты прав, — шепчет она мне в губы. — Я вовсе не хорошая девочка.

Член у меня встает еще до того, как она целует меня. А когда она скользит языком меж моих разомкнутых губ, настает моя очередь стонать. На вкус она словно джин и секс, и я жадно целую ее в ответ, все это время осознавая, что вокруг нас раздается громкий свист. Я уверен, что некоторые из них издадут мои приятели биржевые брокеры, но я слишком занят, чтобы насладиться их изумлением.

Пока мой язык скользит по ее языку, я нежно вклиниваюсь ногой меж ее мягких бедер. Даю ей почувствовать, как я напряжен.

— О, боже, — бормочет она. Прерывает поцелуй, ее глаза сверкают чистым желанием. — Давай уйдем отсюда и уединимся?

— Нет, я хочу тебя сейчас. — Мой голос хрипит.

Она смаргивает.

— Сейчас?

— А-а-а-га. — Я опускаю одну руку на ее тонкую талию, двигая ладонью в дразнящей ласке. — Я слышал, в дамской комнате есть большие отдельные кабинки...

Она кладет ладонь на середину моей груди. Не для того, чтобы оттолкнуть меня. Она тоже дразнит меня, тогда как ее горячий взгляд блуждает по всему моему телу. Затем она склоняет голову и спрашивает:

— Что скажет об этом твоя девушка?

Я грязно улыбаюсь ей.

— Она скажет.. «Скорее, Джон, я хочу кончить». — Грейс снова стонет.

— Так я и думал, — дразню я, но моя девочка не выглядит расстроенной.

Иногда сложно поверить, что когда-то она была нервной, болтливой первокурсницей, с которой я однажды познакомился в ее общежитии. Милая Грейс Айверс, в которую я влюбился, эта девушка передо мной — сексуальная мегера, которая позволит мне трахнуть ее в уборной.

Конечно, Грейс выбрала этот бар и изучила, насколько чисто в уборной, прежде чем согласиться на сегодняшнюю ролевою игру. Так что она все еще та странная девушка, с которой я познакомился много лет назад. Просто так совпало, что еще она — моя горячая, изголодавшаяся по сексу девушка.

Я беру ее руку и стягиваю со стула. У меня все еще каменный стояк, и мне нужна разрядка. Судя по ее прерывистому дыханию, она так же возбуждена, как и я.

— Так что ты скажешь? — спрашиваю я, потирая ее ладонь большим пальцем.

Грейс стоит на цыпочках в своих ботильонах на высоком каблуке, и прижимается губами к моему уху.

— Скорее, Джон, я хочу кончить.

Я подавляю отчаянный смешок, когда следую за ней в коридор. Прежде чем мы проходим мимо двери, я бросаю через плечо последний взгляд. Биржевые брокеры смотрят на меня раскрыв рот, будто я — пришелец с другой планеты. Я указываю на деньги и щедро киваю, как бы говоря: «Оставьте себе».

Мне не нужна победа в каком-то идиотском пари. Я уже самый счастливый человек в баре.

ГЛАВА ДВА

Логан

- Тебе действительно не нужно было этого делать, — настаивает отец Грейс, когда я опускаю на место капот его внедорожника. — Не то чтобы я не ценил это, но я чувствую себя настоящим идиотом, заставляя тебя заниматься физическим трудом в канун Рождества.

Я провожу чистой тряпкой по подбородку, чтобы стереть полоску машинного масла, и изо всех сил стараюсь не рассмеяться. Мне чертовски нравится Тим Айверс, но есть что-то очень смущающее во взрослом мужчине, который говорит «идиот».

За четыре года, что я встречаюсь с его дочерью, я по пальцам одной руки могу перечислить случаи, когда этот человек ругался, и это резко контрастирует с моим собственным воспитанием. Я вырос с отцом-алкоголиком, каждое второе слово которого было ругательством. Моей бедной маме однажды пришлось пойти на встречу с детсадовским воспитателем, потому что я назвал другого ребенка «гребаным уродом». О, что это были за деньки... Очень плохие, несчастливые дни.

К счастью с тех пор все изменилось. Мой отец трезв уже почти четыре года, и хотя мы еще не помирились, я, по крайней мере, уже не ненавижу его.

Если быть честным, в последнее время я воспринимаю отца Грейс, как своего собственного. Он достойный человек, если игнорировать тот факт, что предпочитает футбол хоккею. Но никто не идеален.

— Тим. Чувак. Я не позволю своему близкому человеку платить деньги за замену масла, когда я могу сделать это бесплатно, — сообщаю я ему. — Я вырос, работая в нашем гараже. Я могу заменить масло с закрытыми глазами.

— Уверен? — настаивает он, поправляя на переносице свои очки в тонкой оправе. — Ты же знаешь, я не стал бы пользоваться положением, сынок.

Сынок. Проклятье. Каждый раз это так меня трогает. Нет никаких оснований для того, чтобы Тим звал меня так. Мы с Грейс не женаты. Когда мы только начали встречаться, я считал, что он из тех людей, которые называют «сынком» всякого юнца. Но нет. Только меня. И не могу отрицать, что мне это нравится.

— Знаю, что не стал бы, почему и предложил, — уверяю его я. — И как я сказал ранее, даже не думаю больше идти к этим своим жадным механикам. Мой брат позаботится о твоей машине. Бесплатно.

— Как там твой брат? — Отец Грейс запирает машину, прежде чем направиться к двери гаража.

Я выхожу вслед за ним на подъездную дорожку, где мое лицо тут же охлаждает морозный воздух. Хотя снега в Гастингсе этой зимой еще не было, Грейс говорит, что прогноз обещает его завтра. Идеально. Люблю снег на Рождество.

— Джефф в порядке, — отвечаю я. — Велел мне пожелать тебе счастливых праздников. Они сожалеют, что не смогли выбраться на ужин сегодня.

Мой брат и его жена, Кайли, в этом году проводят праздники в Мексике с ее семьей. Это сороковая годовщина ее родителей, поэтому они решили устроить грандиозный праздник в солнечном месте. Моя